

Глядя на знакомый и в то же время чужой пейзаж, Шэнь Цзиньчэн почувствовала легкое головокружение. Стоило ей принять воспоминания прежней хозяйки тела, как ей показалось, будто она и вправду прожила в этой деревне добрый десяток лет.

Каждую улочку, каждый ручеек и речушку здесь она могла назвать по имени.

Все такое близкое и знакомое — просто чертовщина какая-то.

Шагая по большой дороге, Шэнь Цзиньчэн встретила немало знакомых лиц; имена многих тетушек и дядичей тут же всплывали в памяти.

Шэнь Цзиньчэн приветствовала всех с улыбкой, но, возможно, из-за ее дурной славы транжиры и игрока люди держались от нее на расстоянии. В ответ она получала лишь холодные кивки да избегающие взгляды.

Вот же знатную заваруху оставила ей эта транжира...

Шэнь Цзиньчэн мысленно взывала: похоже, в глазах односельчан она была не лучше какого-нибудь альфонса или гуляки.

Шэнь Цзиньчэн тихо вздохнула и пошла дальше. Пройдя полпути, она заметила мужа плотника А-Ню — Чуньхуа.

Он шел откуда-то, повязанный головным платком и с бамбуковой корзинкой в руках.

Какая удача, подумала она, ускорила шаг и догнала шедшего впереди мужчину.

— Дядя Чуньхуа, куда путь держишь?

Увидев Шэнь Цзиньчэн, мужчина слегка удивился, но тут же расплылся в улыбке:

— Ой, это матушка Цзинь.

— Я только что из дома старейшины рода, с пиршества.

Чуньхуа тоже не питала к Шэнь Цзиньчэн добрых чувств: этот человек отличался высокомерием и бунтарским нравом; после того как он вошел в зятя к землевладельцу Ду, на него и вовсе стали смотреть с презрением, а позже он еще и пристрастился к азартным играм и связался со всякой сбродом, окончательно испортив себе репутацию.

Однако семья Чуньхуа вела дела, а в народе говорят: не бьют того, кто улыбается. Так что он

завел с Шэнь Цзиньчэн вежливую беседу.

— А что за праздник в доме старейшины?

Старейшина рода Шэнь Лин пользовался огромным авторитетом, и все жители деревни Силу глубоко уважали ее.

Чуньхуа вовсе не собирался беречь самолюбие Шэнь Цзиньчэн — ему хотелось поскорее покончить с этой нелепой болтовней.

Он прямо сказал:

— Сестрица, у внука старейшины Шэнь месяц со дня рождения. Созвали всю деревню.

— Разве тебя не пригласили?

Услышав это, Шэнь Цзиньчэн удивилась, но на лице ее не отразилось прежней бурной ярости или смущения, что, в свою очередь, поразило Чуньхуа.

Шэнь Цзиньчэн держалась совершенно непринужденно:

— Айя! О таком радостном событии — и мне не слова не сказали.

— Я ведь тоже хотела преподнести подарок.

Он-то думал, что этот альфонс взбесится от обиды и молча уйдет, но никак не ожидал, что она сможет выдать столь великодушные слова на публику.

Чуньхуа с улыбкой попытался сгладить неловкость:

— Сестрица, старейшина знает, что у тебя сейчас трудности в семье, вот и не захотел лишний раз беспокоить.

Шэнь Цзиньчэн отмахнулась:

— Что вы такое говорите. Даже если в доме настали тяжелые времена, подарок для ребенка я все равно могу собрать.

Это был прекрасный момент, чтобы заработать очки расположения, и Шэнь Цзиньчэн решила воспользоваться им, чтобы наладить отношения с сородичами по деревне.

С улыбкой она произнесла:

— Дядя Чуньхуа, у меня дома сломалась кровать. Я как раз собиралась зайти к вам, чтобы поговорить с тетушкой А-Ню.

— Но раз уж я узнала о таком радостном событии, то хочу купить кое-какие подарки и отправить их в дом старейшины.

— Не считите за труд, передайте тетушке словечко, когда вернетесь.

С этими словами Шэнь Цзиньчэн нашарила горсть мелких серебряных монет и протянула Чуньхуа:

— Это задаток.

Чуньхуа вдруг почувствовал, что перестает узнавать человека, стоящего перед ним.

Он во все глаза разглядывал Шэнь Цзиньчэн: да, это она, но еще поискать в округе другого такого броского молодца.

Однако с чего это она вдруг стала вести себя так разумно?

— Дядя Чуньхуа, у меня что-то на лице?

— Ой, нет-нет.

Тон Чуньхуа стал заметно искреннее.

Он с задумчивым вздором посмотрел на Шэнь Цзиньчэн:

— Дядя просто поражается: кажется, ты вдруг разом повзрослела.

Шэнь Цзиньчэн сложила руки в приветственном жесте:

— Если и дальше жить как трава в поле, пропаду окончательно. Так и до того дойдет, что моя теща от злости из могилы восстанет.

У Чуньхуа от смеха морщинки на лице собрались гармошкой:

— Ну и ребенок же ты.

— Дядя, тогда я пойду.

— Будь добр, передай слова тетушке А-Ню.

— Ступай, ступай.

Разобравшись с делами насчет кровати, Шэнь Цзиньчэн по пути свернула в лавку всякой всячины — она собиралась купить кое-какие подарки, чтобы нанести визит уважения старейшине.

Раньше Шэнь Цзиньчэн вела себя черт знает как, но теперь ей так нельзя.

В древности хорошая репутация и мнение людей имели огромное значение, а она еще собиралась сдавать экзамены, и с ее нынешней славой, когда от нее шарахались даже собаки, вряд ли нашлась бы хоть одна душа, готовая поручиться за нее.

Основываясь на намеках, полученных от Чуньхуа, Шэнь Цзиньчэн закупила подарки по меркам семьи А-Ню.

Она приготовила небольшой мешочек яиц и кусок вяленого мяса.

Упаковав гостинцы, Шэнь Цзиньчэн подошла к воротам дома старейшины Шэнь Лин.

Усадьба Шэнь Лин была обнесена стеной из синего кирпича, а массивные черные ворота выглядели прочными и блестящими — дом явно был недавно построен, свежий и чистый.

Стоя у ворот, Шэнь Цзиньчэн невольно вспомнила собственный обветшалый глинобитный забор, и на душе у нее стало немного тоскливо.

Пиршество уже подошло к концу, и соседи хлопотали, помогая убирать со столов.

Было видно, что сегодняшний банкет удался на славу: около десятка столов не поместились во дворе семьи Шэнь, и их выставили прямо вдоль дороги.

При таком количестве гостей на праздник действительно созвали всю деревню — почему же забыли только про нее? Когда Шэнь Цзиньчэн прибыла, никто не вышел её встречать — все были заняты уборкой посуды и тарелок. Парадные ворота усадьбы стояли распахнутыми настежь, и люди постоянно толкались туда-сюда.

Шэнь Цзиньчэн ступила во двор Шэней, неся в руках подарок. Те, кто узнавал её, глядели по-разному: на лицах одних читалась тревога, словно она была какой-то разбойницей, другие же посмеивались, предвкушая забавное зрелище.

Ловя эти взгляды, Шэнь Цзиньчэн только теперь поняла, насколько дружелюбным был тот самый Чуньхуа.

Хотя на душе было неловко, Шэнь Цзиньчэн сохраняла на лице вежливую улыбку, стараясь не выказывать страха.

Она направилась прямо к старшей дочери семьи Шэнь, которая демонстративно игнорировала её, делая вид, что страшно занята делами, и протянула свёрток:

— Сестрица, говорят, в вашем доме родилась крупная здоровячка-дочка. Я пришла поздравить вас с прибавлением.

Шэнь Фэн растерянно моргнула, состроив озадаченный вид.

Эта Шэнь Цзиньчэн еще недавно тыкала пальцем прямо в лицо её матушке и распекала её на чём свет стоит, с какой же стати она сегодня заявила с поздравлениями?

Уж не замышляет ли какую гадость?

Она оттолкнула подарок назад и бросила сухо:

— Мы получили твой знак внимания. А раз за стол сесть не успела, то и подарок не нужен.

Доброжелательными эти слова не назови — прежняя хозяйка тела на её месте уже давно бы взбесилась и убежала прочь. Но Шэнь Цзиньчэн прекрасно понимала: сейчас не время тешить свою гордость.

Прежняя владелица тела имела давние счеты со старейшинами рода. Когда та погрязла в азартных играх, старейшина Шэнь Лин, узнав об этом, то и дело лично заглядывала к ней с нравоучениями.

Хотя затворнице это жутко не нравилось, из глубокого уважения к авторитету Шэнь Лин она на какое-то время унималась. Однако такая уступчивость пришлась не по нраву нескольким её дружкам-приятелям. Они принялись подстрекать и науськивать её, в конце концов толкнув на открытую ссору со старейшинами.

Безмозглая прежняя хозяйка клюнула на провокации и угодила прямиком в ловушку.

Услышав слова Шэнь Фэн, Шэнь Цзиньчэн понимала, что родня еще не готова сразу принять её, поэтому не стала навязываться и лишь молча положила подарок на стол:

— Сестрица, это от всего сердца для малышки. Обязательно возьмите.

Шэнь Фэн упрямо отказывалась брать, а Шэнь Цзиньчэн настаивала.

Туда-сюда, и Шэнь Фэн начала раздражаться.

Скрестив руки на груди, она свысока глянула на Шэнь Цзиньчэн. При её росте под метр восемьдесят пять и бугрящихся мышцах выглядела она крайне внушительно:

— Эй! Ты что, по-русски не понимаешь? Говорю же, не нужно! Забирай давай.

Возможно, от нервного напряжения у Шэнь Цзиньчэн во рту стремительно зависилась выработка слюны — до чего же мощными выдались здешние женщины!

— Сестрица, я была бессовестной... Я уже во всём раскаялась.

Если за ней закрепится дурная слава неблагодарной и нечестивой девки, на дальнейшей жизни Шэнь Цзиньчэн можно будет ставить крест.

Для продвижения вверх хватило бы и одного этого пятна в биографии, чтобы хлебнуть лиха полной чашей.

Глядя на смиренную позу Шэнь Цзиньчэн, Шэнь Фэн почувствовала, как её только что ожесточившееся сердце слегка оттаяло.

Стой, с чего это она вдруг стала такой жалостливой? Ещё и всплакнуть собирается?

Шэнь Фэн отступила на шаг назад, и во взгляде её проступило еще больше недоверия: бессовестная какая, только и знает, что сладко заливать про сестрицу. Кем они друг другу приходятся?

— Ты что удумала?

Пришла денег в долг просить?

Да что ж она к ней пристала, как банный лист к парилке?

Шэнь Цзиньчэн мысленно выругалась последними словами, но лицо сделала еще более несчастным. Она поспешно замахала руками:

— Сестрица, я искренне раскаиваюсь! Пару дней назад мне случайно довелось услышать шепоток Чжан Мацзы и Цинь Кэ, тогда-то я и поняла, что меня подставили и заманили в ловушку. Из-за этого я спустила огромное семейное состояние, и перед мачехой моей мне стыдно.

Высказавшись, Шэнь Цзиньчэн умолкла, приняв жалкий вид человека, готового стерпеть любые побои и ругань.

Родная матушка Шэнь Фэн слегла в тяжелом состоянии после того, как её довела до болезни эта дерзкая девчонка. Сама Шэнь Фэн тоже заявлялась к Шэнь Цзиньчэн разбираться, но тогда та вела себя крайне заносчиво и прямо заявляла, что её матушка — старая карга. После этого они сошлись в драке и окончательно разругались.

Шэнь Фэн думала, что они больше никогда не увидятся, но никак не ожидала, что Шэнь Цзиньчэн сегодня приплетется сюда с подарками и станет нести какую-то чепуху, вымаливая прощение.

Выслушав эти объяснения, Шэнь Фэн наконец-то поняла причину столь резкой перемены в её характере: оказывается, та осознала, в какую кучу навоза вляпалась! Ещё бы, такие головорезы, как Цинь Кэ, — разве с ними шутки шутить? То, что она лишилась лишь состояния, а не заложила себя по кабальной грамоте, уже можно считать удачей.

Глядя на несчастный вид стоящей перед ней женщины, Шэнь Фэн снова сжалась. Ладно уж, заблудшая овца дороже сокровищ. Раз человек признал ошибку и готов исправиться, стоит ли продолжать дуться?

Шэнь Фэн подозвала мужа, который неподалёку мыл посуду, и велела ему собрать для Шэнь Цзиньчэн узелок с едой в дорогу.

Поняв по этому знаку, что Шэнь Фэн её простила, Шэнь Цзиньчэн озарила её сияющей улыбкой.

— Чего лыбишься!

Рослая женщина засучила рукава, обнажая смуглые жилистые руки. Голос её оставался прежним, резким, но в тоне уже исчезло прежнее раздражение:

— Подарок я принимаю. Живи теперь с Ду Жо спокойно и ладно. Если я еще хоть раз увижу на нём синяки и ссадины, берегись — приду и спрошу с тебя по всей строгости!

Шэнь Цзиньчэн послушно кивнула:

— Поняла тебя, родовая сестрица.

<http://bllate.org/book/20756/2081302>